

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотекы городскихъ училищъ.

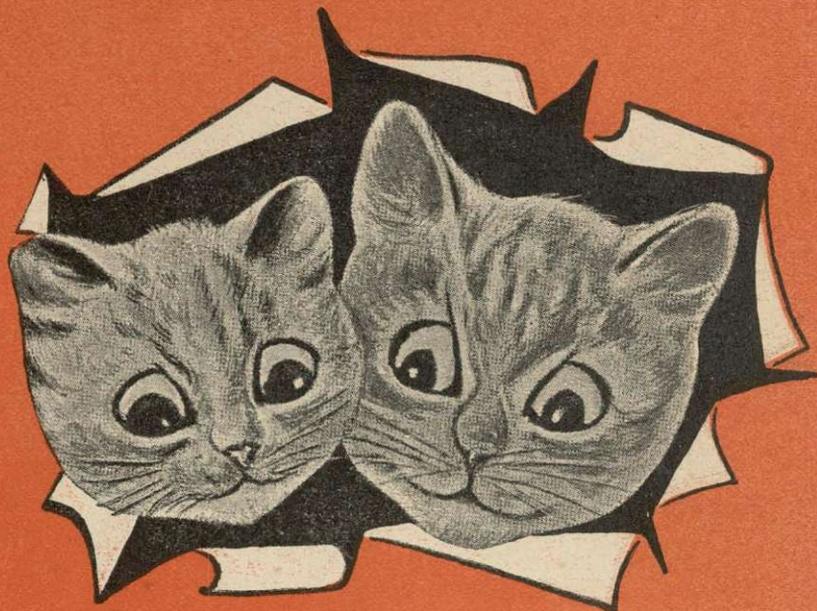
XVI 45
10

Годъ изданія третій

НОЯБРЬ.

№ 2.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

БѢДНЫЙ МАКИ!
ЗДѢСЬ И ТАМЪ.
ДЯДЯ-ПАВЛУША (повѣсть).
НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).
ТУМАНЪ.
АРИѦМЕТИЧЕСКІЯ ГОЛОВО-
ЛОМКИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

№ 2. Ноябрь, 1909.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

«Ушастый Маки».

БѢДНЫЙ МАКИ!

Я возвращался изъ Египта въ Россію. Бхать снова черезъ Константинополь и Одессу не хотѣлось и потому я сѣлъ въ Александріи на тотъ пароходъ, который шелъ прямо изъ Индіи въ Триестъ. Изъ Триеста, уже по желѣзной дорогѣ, я черезъ всю Австрію долженъ былъ доѣхать до Москвы, и далѣе къ себѣ въ усадьбу.

Денегъ у меня было мало и я взялъ себѣ билетъ III-го класса. Меня провели на громадномъ океанскомъ пароходѣ прямо на носъ, свели въ самую преисподнюю и тамъ дали небольшую каютку, въ которой уже имѣлся одинъ пассажиръ, какой-то англичанинъ, возвращавшійся изъ Южной Африки къ себѣ на родину. Онъ везъ съ собою зеленого попугая и какого-то страннаго небольшого звѣрька, который свернулся клубочкомъ и, обмотавъ голову длиннымъ, пушистымъ хвостомъ, спалъ.

— Что это за звѣрь? обратился я къ англичанину.

Это—«ушастый маки», отвѣтилъ мнѣ онъ.—Онъ просыпается только ночью, а днѣмъ крѣпко спитъ.

— Зачѣмъ же вы его везете?

— Онъ отлично ловитъ мышей...

— Мы разговорились съ нимъ, я сталъ спрашивать его объ Африкѣ, а онъ меня о Россіи, и мы не замѣтили, какъ сталъ наступать вечеръ.

Мы были уже въ открытомъ морѣ; безбрежное Средиземное море тихо плескалось о нашъ пароходъ и изъ воды выскакивали дельфины и, перевернувшись въ воздухѣ, снова падали въ воду. Затѣмъ западъ погасъ и стала спускаться ночь.

— Вотъ посмотрите, обратился ко мнѣ англичанинъ,—что теперь будетъ дѣлать мой маки. День прошелъ, теперь онъ будетъ просыпаться.

И онъ задернулъ на лампѣ занавѣску, чтобы въ каютѣ было не такъ свѣтло.

Почувявъ темноту, маки сталъ медленно разворачивать вокругъ головы свой хвостъ, затѣмъ расправилъ одно ухо, потомъ другое, раскрылъ громадные глаза, которые засвѣтились въ полумракѣ, какъ угольки, и сталъ чиститься и прихорашиваться, направляя на себѣ каждый помятый волосокъ. Приведя себя въ порядокъ, онъ сталъ на заднія лапки и потянулся. Теперь я его могъ видѣть во весь его ростъ. У него былъ длинный пушистый хвостъ, кисти заднихъ и переднихъ лапъ были какъ у обезьяны, при чемъ на всѣхъ пальцахъ, кромѣ указательныхъ, были ногти, какъ у человѣка, а на указательныхъ когти, какъ у дикаго звѣря. Всѣ движенія его были таковы же, какъ и у обезьяны.

— Какъ онъ похожъ на мартышку, сказалъ я.

— Да, отвѣтилъ англичанинъ,— не даромъ же онъ и относится къ отряду полуобезьянъ. Но обезьяны— животныя плодоядныя, тогда какъ этотъ—хищникъ. У себя на родинѣ, въ Южной Африкѣ, онъ отлично разоряетъ птичьи гнѣзда и истребляетъ птицъ и маленькихъ животныхъ, величиною съ мышей.

Маки спрыгнулъ съ полочки, на которой проспалъ неподвижно цѣлый день, и сталъ бродить по каютѣ. Его длинный хвостъ то волочился за нимъ по полу, а то заворачивался огромнымъ крючкомъ кверху. Гуляя по каютѣ, маки то дѣлалъ большіе прыжки, какъ заяцъ, то ходилъ на заднихъ лапкахъ, а то прямо-таки перелеталъ съ мѣста на мѣсто, точно у него были крылья. Завидѣвъ бѣжавшаго чернаго таракана, которыхъ, какъ потомъ оказалось, въ III-мъ классѣ на пароходѣ было много, маки набросился на него, поймалъ и съ аппетитомъ съѣлъ. Англичанинъ досталъ жестянку съ монпасе и положилъ ее на полъ. Почувявъ сладкое, маки подскочилъ къ ней и долго каталъ ее съ мѣста на мѣсто, желая открыть. Но это ему не удалось. Тогда онъ взялъ всю жестянку въ обѣ переднія лапки и изо-всѣхъ силъ ударилъ ею обѣ полъ. Жестянка все-таки не открылась. Маки сталъ злиться и ворчать. Тогда англичанинъ взялъ отъ него жестянку, раскрылъ ее и сталъ бросать маки

одну конфетку за другой. Какъ молнія, бросался маки то туда, то сюда, схватывая конфетки на лету и быстро поѣдая ихъ. Еще держа одну конфетку у рта, онъ другою рукой ловилъ новую и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, громко чавкая и звонко грызя леденецъ зубами.

— Какой онъ,—лакомка, сказалъ я.

— Да, отвѣтилъ англичанинъ,— маки такъ любитъ сладкое, что у себя на родинѣ часто попадаютъ изъ-за него въ ловушки. Африканскіе туземцы ловятъ ихъ въ обыкновенныя птичьи клѣтки на кусочекъ сахара.—А вотъ посмотрите, какъ маки любитъ спиртные напитки!

Англичанинъ досталъ съ полки дорожную фляжку съ портвейномъ и налилъ изъ нея полъ-рюмки вина. Почувявъ запахъ портвейна, маки сдѣлалъ къ хозяину прыжокъ, вскочилъ къ нему на колѣни и потянулся къ рюмкѣ. Англичанинъ переставилъ рюмку подальше; маки сдѣлалъ новый прыжокъ, схватилъ рюмку въ обѣ переднія лапки и выпилъ все вино до дна.

— Когда негры готовятъ пальмовое вино, продолжалъ англичанинъ,—то они срѣзаютъ верхушки молодыхъ пальмъ и подставляютъ къ нимъ сосуды. Изъ пальмъ вытекаетъ сладкій хмѣльной сокъ, который негры пьютъ вмѣсто вина. И стоитъ только маки пронюхать, что гдѣ-то есть такой сосудъ, какъ всѣ они ужъ тутъ-какъ тутъ и начинаютъ бражничать. Цѣлую ночь у

нихъ идетъ попойка и кончается дѣло тѣмъ, что они напиваются пьяными и валяются на землѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не подбираютъ негры и не уносятъ къ себѣ домой. Ихъ бываетъ при этомъ такъ много, что ихъ прямо сваливаютъ въ мѣшокъ или связываютъ поперекъ живота и цѣлыми гирляндами тащатъ прямо по землѣ.

— А какъ маки живутъ у себя на родинѣ? спросилъ я.— Вамъ приходилось ихъ видѣть на свободѣ?

— Сколько разъ! Бывало пробираешься по тропическому лѣсу, а они сидятъ на вѣткахъ клубочками, приткнувшись къ стволу и спятъ. Живутъ они обыкновенно парочками. Спятъ рядышкомъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Если ихъ испугнешь или тронешь, то, несмотря на дневной свѣтъ, они тотчасъ же пробудятся, забѣгаютъ назадъ и впередъ по вѣткѣ, на которой сидятъ, и снова засыпаютъ. Днемъ они такъ безпомощны, что ихъ можно легко снять съ вѣтки рукою. Если же они сидятъ высоко, то стоитъ только встряхнуть деревомъ и они валятся съ него, какъ апельсины. Но едва наступаетъ ночь, какъ маки дѣлается зоркимъ и осторожнымъ. Слухъ у него великолѣпенъ, зрѣніе превосходно, при этомъ онъ весьма уменъ и хитеръ и потому никогда ночью не подпуститъ къ себѣ врага.

Выпивъ полрюмки вина, маки очевидно охмѣлѣлъ, потому что началъ дѣлать глупости. Вѣроятно, онъ

вообразилъ себя въ своемъ родномъ лѣсу, потому что сталъ дѣлать такіе громадные прыжки, что пришлось отъ него сторониться. Онъ прыгнулъ на полку, съ полки прямо ко мнѣ на плечо, съ плеча—къ своему хозяину на голову. При этомъ глаза у него свѣтились, положительно, какъ два раскаленные уголька.

— Эге, сказалъ англичанинъ, — тебя, значитъ, надо унять!

И онъ отдернулъ отъ фонаря занавѣску и освѣтилъ всю каюту. Почувявъ свѣтъ, нашъ маки присмирѣлъ, забился въ уголокъ и такъ просидѣлъ въ немъ спокойно до утра.

Мы еще долго разговаривали съ англичаниномъ, затѣмъ поужинали и улеглись спать. Среди ночи я былъ разбуженъ маки. Обрадовавшись темнотѣ, онъ вышелъ изъ своего уголка, прыгнулъ ко мнѣ на койку и прижался къ моему лицу. Сначала меня это испугало, но потомъ я сообразилъ, въ чемъ дѣло, и предоставилъ ему свободу. Маки тѣсно прижался къ моей щекѣ и я почувствовалъ на ней его густой, мягкій, какъ шелкъ, мѣхъ. Было прохладно и, чуткій къ холоду, маки грѣлся у моего лица. Я погладилъ его и, вѣроятно, это ему понравилось, потому что онъ выгнулъ спину, какъ кошка, и ласково замурлыкалъ. Затѣмъ онъ прыгнулъ къ своему хозяину и я снова заснулъ.

Когда я проснулся, то было уже утро. На морѣ дулъ вѣтеръ и нашъ

пароходъ покачивался съ боку на бокъ и слышно было, какъ шумѣли волны. Англичанинъ уже всталъ, былъ одѣтъ и сидя на своей койкѣ, читалъ газету.

— Ну, что вашъ маки? спросилъ я его, вспомнивъ про звѣрька.

Англичанинъ поднялъ глаза отъ газеты и кивнулъ головою на полку.

— Спитъ... сказалъ онъ.— Свернулся клубочкомъ и спитъ!

Онъ поднялся и ткнулъ пальцемъ въ клубочекъ, чтобы его разбудить. Маки вздрогнулъ, развернулся, засуетился у себя въ уголку, посмотрѣлъ безсознательно въ пространство и закрылъ хвостомъ глаза: ему больно было глядѣть на свѣтъ. Затѣмъ уши у него начали сморщиваться и укорачиваться, верхушки

ихъ загнулись внутрь и такъ плотно втиснулись въ самыя уши, что отъ нихъ не осталось и слѣда. Онъ свернулся клубочкомъ, закрутилъ вокругъ головы хвостъ и снова погрузился въ спячку.

— Теперь онъ не слышитъ ничего, сказалъ англичанинъ.

На слѣдующій день я былъ уже въ Триестѣ. Я простился со своимъ спутникомъ, сошелъ на берегъ, а пароходъ отправился далѣе въ Марсель. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ и мнѣ представился маленькій узникъ, свернувшійся клубочкомъ въ уголку, котораго везли въ далекую неволю ловить мышей. И мнѣ стало его жаль.

— Бѣдный маки! вздохнулъ я и отправился съ пристани на вокзалъ.

С. Вершининъ.

ЗДѢСЬ И ТАМЪ.

— Иди къ намъ въ городъ! Магазины
У насъ блестящія кругомъ
И дамы, дѣти и мужчины
Гуляютъ въ платьѣ дорогомъ.

У насъ повсюду мостовыя,
Нашъ скверъ подстриженнымъ стоитъ,
Вездѣ у насъ городовые
И электричество горитъ.

Иди-жь къ намъ въ городъ. Неужели
Тебѣ такъ нравится твой край,
Что ты березы, дубъ и ели
Не промѣняешь на трамвай?

— Да, я люблю свои березы,
Свои лѣса, свои луга,

И ночи лѣтнія, и грозы,
И зиму съ стужей и снѣга.

Люблю я мирныя картины
Своихъ полей, своихъ лѣсовъ,
Люблю мычаніе скотины
И звуки птичьихъ голосовъ.

Люблю я рѣчки серебристой
Хрустально-нѣжный разговоръ
И травки бархатной, душистой
Съ цвѣтами скромными коверъ.

Итакъ—живи съ своимъ трамваемъ,
По мостовымъ своимъ гуляй,
Считай ты городъ пыльный раемъ,
А для меня—деревня рай!

Ирисъ.

ДЯДЯ — ПАВЛУША.

(Повѣсть).

Въ большой залѣ большого барскаго дома въ Василькахъ было оживленіе. Когда-то давно, еще въ прошломъ столѣтіи, въ этомъ домѣ, говорятъ, останавливался по пути въ Крымъ какой-то знатный вельможа и задавались ея владѣльцемъ такіе балы, на которые съѣзжались гости съ трехъ сосѣднихъ губерній; а теперь это былъ простой домъ, запущенный и давно уже требовавшій поправокъ; его новые владѣльцы стали сдавать его уже по газетнымъ объявленіямъ въ наймы подъ дачу, будучи не въ состояніи поддерживать его въ прежнемъ блескѣ и красотѣ.

Прочитавши въ газетѣ объявленіе, семья Басиловыхъ послала владѣльцамъ этого дома телеграмму, что оставляетъ его на лѣто за собой, и тотчасъ же послѣ Пасхи двинулась туда изъ Петербурга, чтобы прожить тамъ вплоть до самаго сентября.

Домъ оказался громаднымъ, съ массой комнатъ, а окружавшій его съ трехъ сторонъ паркъ превысилъ всякія ожиданія. Въ ясную погоду дѣти могли цѣлые дни проводить на воздухѣ, а въ дождь имъ было весело бѣгать по громадной залѣ съ колоннами и съ хорами, на которыхъ когда-то играли музыканты.

Семья Басиловыхъ состояла изъ отца и матери и изъ пяти человекъ

дѣтей: двухъ сыновей—Коли и Володи и трехъ дочерей—Ани, Сони и Ксенички. Приѣхала туда и еще одна дѣвочка, сиротка Таня. Ее привезла какая-то незнакомая женщина, похожая на монахиню. Таня жила въ пріютѣ, гдѣ ее часто навѣщала дадя-Павлуша, имѣвшій къ ней какое-то отношеніе и попросившій Басиловыхъ пріютить ее на лѣто у себя, чтобы она могла провести лѣто въ деревнѣ и поиграть съ ихъ дѣтьми. Теперь всѣ эти дѣти висли на окошкахъ большой залы, смотрѣли на ворота въ сторону станціи желѣзной дороги и поджидали этого самаго дядю Павлушу, который долженъ былъ приѣхать съ первымъ поѣздомъ. За нимъ уже давно послали лошадей, до станціи было девять верстъ, слѣдовательно, съ минуты на минуту его можно было ожидать въ усадьбѣ и выбѣжать всей гурьбой ему на-встрѣчу.

— Какая скука! сказалъ вдругъ Коля.—Я совершенно не понимаю, зачѣмъ мы ожидаемъ дядю Павлушу именно здѣсь?

— А зачѣмъ, отвѣчалъ Володя,— что отсюда мы скорѣе замѣтимъ, какъ онъ покажется изъ-за лѣса!

— Вотъ если-бы можно было выѣхать къ нему на встрѣчу на лошадахъ!.. воскликнула Аня.—Это было-бы много веселѣе!

— Такъ тебѣ и далъ папа лошадей!.. проворчалъ Коля.

— А хорошій у насъ дядя Павлуша! замѣтила Соня.— Жаль только, что горбатый... Ну, да это ничего! Зато онъ намъ часто привозитъ гостинцы...

— Это у него не горбъ, отвѣтила Ксеничка,—а мѣшокъ позади. Въ немъ онъ держитъ игрушки и конфекты...

— Это не мѣшокъ, а дѣйствительно горбъ, сказалъ Коля.— Дядя-Павлуша вотъ этакъ держитъ плечи и голову и такъ вотъ ходитъ...

Коля представилъ дядю-Павлушу и прошелся по залѣ такъ, какъ онъ.

— За то онъ такой добрый, такой добрый,—закричали сразу всѣ дѣти,— что добрѣ его нѣтъ никого на свѣтѣ! Онъ очень любитъ маленькихъ дѣтей.

— И рассказываетъ намъ интересныя исторіи, добавила Ксеничка.— Однажды онъ намъ рассказалъ такую жалостную исторію, что всѣ мы плакали...

— И такую, сказалъ Володя,—что всѣ мы три дня смѣялись!

— Ну, какъ хотите, братцы, рѣшительно заявилъ Коля,—а я еще пять минутъ подожду и болѣе не стану. У меня не хватаетъ больше никакихъ человѣческихъ силъ. Я побѣгу къ дядѣ на-встрѣчу!

— И мы тоже! И мы тоже! посыпались со всѣхъ сторонъ голоса.— Мы тоже всѣ побѣжимъ вмѣстѣ съ тобой!

И всѣ они снова усѣлись на подоконники и стали глядѣть на лѣсъ,

за который сворачивала дорога. Какъ и большинство дѣтей, они по-прежнему трещали какъ сороки и не умолкали ни на одну минуту.

Одна только Таня молчала.

Она пріѣхала въ усадьбу всего только нѣсколько дней тому назадъ. Она слышала, какъ про дядю-Павлушу говорили, что онъ горбатый, и даже представляли его, и ей было обидно это слышать и видѣть. Съ другой стороны—его хвалили и такъ искренно ожидали его пріѣзда,—и ей было пріятно, что и дѣти, которыхъ она знаетъ еще такъ недавно, тоже любили его, какъ и она. И ей казалось страннымъ, что можно было въ одно и то же время и говорить о физическомъ недостаткѣ человѣка, и любить его. Точно такъ же было и въ томъ пріютѣ, гдѣ она жила до сихъ поръ. Когда приходилъ къ ней дядя-Павлуша и она съ радостью выбѣгала къ нему навстрѣчу, его товарищи, которыхъ онъ такъ щедро одаривалъ конфектами, по его уходѣ представляли его и показывали, какъ онъ ходитъ и говорить.

Въ пріютѣ Таня не чувствовала себя чужой. Она тамъ выросла, прожила до восьми лѣтъ и привыкла въ своей начальницѣ видѣть мать, а въ подругахъ сестеръ. Кто она и откуда она,—она не знала. Ей было извѣстно, что она круглая сирота и что у нея есть дядя-Павлуша, который интересуется ея судьбой и часто навѣщаетъ ее. Она любила его, считала дни и часы, когда увидитъ его

опять, и когда онъ приходилъ къ ней и ее вызывали къ нему въ пріемную, то она съ радостнымъ визгомъ бросалась къ нему на-встрѣчу и висла у него на шеѣ.

Дѣти поджидали дядю-Павлушу.

— Ну, полно, полно, Танюха! говорилъ онъ ей и ласково поправлялъ у нея на головкѣ ея непослушные черные волосы.

Въ лицѣ у Тани было что-то не русское. Черные волосы, черные глаза, смугловатый цвѣтъ лица и самая манера держать себя и говорить доказывали то, что въ ней была иностранная кровь.

Кто она—не знали и ея товарки по пріюту, такія же сироты, какъ и она. Вѣроятно знала объ этомъ одна только начальница пріюта, потому что иногда она прижимала ее къ себѣ и, когда не было никого вблизи, цѣловала ее и говорила:

— Ахъ, ты моя сироточка бѣдная! И какъ это тебя Господь спасъ!

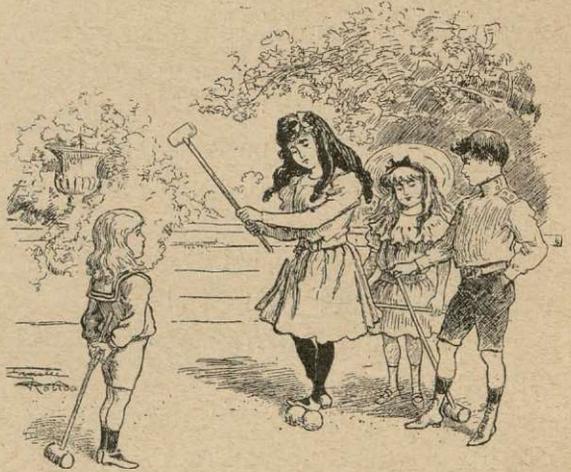
Таня спрашивала ее, отъ чего именно спасъ ее Господь, но она

тотчасъ же спохватывалась и отстраняла ее отъ себя.

— Иди, иди! говорила она.—Этотакъ!

Затѣмъ, послѣ одного изъ посѣщеній дяди-Павлуши, начальница собрала все ея бѣлье, уложила ея платьица, дала ей пирожковъ и съ одной изъ пріютскихъ женщинъ отправила ее въ Васильки къ Басиловымъ. Такъ распорядился дядя-Павлуша.

Вся семья Басиловыхъ встрѣтила ее очень хорошо; дѣти, отличавшіяся вообще рѣдкою добротой, старались наперерывъ сдѣлать для нея что-нибудь пріятное, съ своей стороны и она, нѣсколько дичившаяся

Только что они принялись за игру въ крокетъ, какъ вдругъ раздался звукъ колесъ.

всѣхъ въ первые дни, скоро свыклась со своимъ новымъ положеніемъ и искреннею привязанностью отвѣтила на ихъ расположеніе. Скоро она стала бѣгать и играть со всѣми

дѣтьми такъ, точно прожила съ ними уже нѣсколько лѣтъ, и никто и не сказалъ-бы, что это не родная ихъ сестра. И видя, какъ она радостно играла съ другими и бѣгала, не чув-

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, ребятаки..

ствуя подъ собой ногъ, многіе печально кивали головами и говорили:

— Бѣдняжка, она и не сознаетъ, кого и чего она лишилась!

Но она вполнѣ сознавала. Ей было уже восемь лѣтъ и она понимала всю тяжесть своей потери и не проходило дня, чтобы она глубоко не вздыхала. Глядя на другихъ дѣтей вокругъ себя, она не могла не видѣть, что у нихъ были матери и отцы, она читала въ дѣтскихъ книжкахъ про нѣжныя семьи, въ которыхъ матери такъ ласкали своихъ дѣтей, и смутно чувствовала, что ей не достаетъ матери и что въ судьбѣ ея есть что-то такое, чего нѣтъ въ судьбѣ другихъ дѣтей, которыхъ она встрѣчала на улицахъ или о которыхъ читала. И стоило только ей услышать, какъ другія дѣвочки заговаривали о своихъ матеряхъ,—какъ ея губы нервно подергивались и на глазахъ появлялись слезы.

По вечерамъ, когда она оставалась наединѣ съ самой собою и лежала на своей кровати, которую поставили теперь для нея въ уголку большой дѣтской, она выжидала, когда засыпали всѣ другія дѣти, укрывалась одеяломъ съ головой и въ молчаніи ночи старалась вообразить передъ собою возможные образы матери и отца. Часто она плакала по ночамъ, но никто не слышалъ ея рыданій и никто не видѣлъ, какъ она вставала на постели на колѣнки и, сложивъ обѣ ручки вмѣстѣ, горячо молилась...

Всѣ относились къ ней съ расположеніемъ, но она сознавала, что она для всѣхъ чужая, и не сестра дѣтямъ, съ которыми играла. Она чувствовала себя одинокой, хотя и старалась не подавать въ этомъ вида. Она старалась, какъ и всѣ другія дѣти, входить во всѣ подробности

Онъ умѣлъ найти какой-нибудь очаровательный уголокъ, гдѣ пріятно было отдохнуть.

домашней жизни и теперь, какъ и они, была очень заинтересована предстоящимъ пріѣздомъ дяди Павлуши и съ любопытствомъ прислушивалась ко всему, что о немъ говорили. Ей

ужасно хотѣлось поскорѣе увидѣть его и, думая о его горбѣ, она вздыхала и ей было досадно, что онъ не красивъ такъ, какъ сказочный принцъ.

«Но это ничего!» думала она. — «Хотя онъ и горбатый, но онъ добрый, добрый! Добрѣе его нѣтъ никого.

И вотъ въ самый тотъ моментъ, когда дѣти, потерявъ терпѣніе дожидаться дядю, вышли въ садъ и только что принялись за игру въ крокетъ, другъ раздался стукъ колесъ и слышались бубенчики.

— Это онъ! Это онъ! закричали дѣти и побросали молотки. — Дядя ѣдетъ! Дядя!

И съ радостнымъ визгомъ они бросились къ нему навстрѣчу.

Дядя Павлуша, маленькій и горбатенькій господинъ, лѣтъ тридцати-пяти, вовсе не представлялъ собою ничего ни смѣшного, ни отталкивающего, а, напротивъ, глаза его свѣтились такою безграничною добротой, что невольно располагали къ нему всякаго, кто видѣлъ его въ первый разъ. Правда, онъ вовсе не былъ красивъ, черты лица его были грубоваты, голова имѣла неуклюжую форму, но на его лбу свѣтились благородство и мысль, и его удивительные глаза и ласковая мягкая улыбка говорили объ его добротѣ и нѣжной, любви обильнойдушѣ. Онъ тоже былъ Басиловъ, но доводился дѣтямъ не роднымъ дядей, а какимъ-то дальнимъ, но они звали его дядей и были увѣрены, что онъ дѣйствительно ихъ близкій дядя.

Онъ выскочилъ изъ экипажа и,

протянувъ руки впередъ, съ веселымъ смѣхомъ подбѣжалъ къ дѣтямъ и заговорилъ:

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, ребятки! Вотъ наконецъ и я со своимъ горбомъ! Какъ поживаете? Все ли у васъ благополучно? Не разбились вы еще себѣ носовъ? У всѣхъ-ли цѣлы головы? Не принималъ-ли кто-нибудь изъ васъ касторку?

И онъ каждаго изъ дѣтей горячо прижалъ къ себѣ, потрепалъ по щекѣ и поцѣловалъ.

Затѣмъ онъ поднялся по лѣстницѣ наверхъ, поздоровался съ большими, умылся и вышелъ наконецъ въ большую залу, гдѣ его уже ожидали дѣти, окружившія его со всѣхъ сторонъ. Онъ растегнулъ свой сюртукъ и изъ его бездонныхъ кармановъ сталъ доставать подарокъ за подаркомъ и раздавать ихъ дѣтямъ.

Трудно представить себѣ тѣ восклицанія, радостные крики и визги, которыми сопровождалась эта раздача подарковъ. Дядя Павлуша выкликалъ имена и подавалъ каждому именно то, чего каждый такъ сильно желалъ, точно дядя умѣлъ читать у нихъ въ сердцахъ или-же былъ добрымъ волшебникомъ, которому было извѣстно все.

И видя, какъ мальчишки и дѣвочки, одинъ за другимъ, получали отъ него такіе интересные подарки, Таня стояла немного поодаль и думала:

«А что-то дядя привезъ для меня?»

Какъ вдругъ дядя Павлуша крикнулъ:

— Таня!

Въ первую минуту онъ искалъ ее взглядомъ среди знакомыхъ уже ему дѣтей и, не найдя, сталъ оглядываться по сторонамъ. Она подошла къ нему и бросила на него радостный взоръ. Но она продолжала молчать.

— Маленькая Таня! повторилъ дядя Павлуша.—Гдѣ-же ты? Отчего я тебя не вижу?

Она радостно взвизгнула и бросилась къ нему на шею.

— Ну, вотъ наконецъ, и ты... ласково обратился онъ къ ней, оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и горячо поцѣловалъ въ обѣ щеки.

А затѣмъ онъ полѣзъ къ себѣ въ неистощимый карманъ, досталъ оттуда небольшой свертокъ и вытащилъ изъ него крестикъ на золотой цѣпочкѣ.

— Я не зналъ, что именно можетъ доставить тебѣ удовольствіе, и вотъ привезъ тебѣ этотъ крестикъ твоей мамы... Хочешь его имѣть?

У нея задрожали колѣнки и она еле имѣла силъ отъ волненія произнести:

— Хочу... Мерси...

Онъ протянулъ къ ней крестикъ и надѣлъ ей его на шею. Она схватила его, вспыхнула и стала лихорадочно его цѣловать.

— Мама!.. Мама!.. повторяла она.— Милая, дорогая, родная мама!..

Дядя Павлуша взялъ ее на руки и уже больше не смѣялся. Онъ посмотрѣлъ на нее серьезнымъ печаль-

нымъ взглядомъ и двѣ слезинки заблестѣли у него на глазахъ. Она перестала цѣловать крестикъ и, обхвативъ шею дяди руками, стала горячо цѣловать его.

— Мерси! Мерси! говорила она и старалась прижаться къ нему еще ближе.

— А ты не боишься меня? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ... искренно отвѣтила она.

Она почувствовала вдругъ, что онъ такъ-же одинокъ, какъ и она, что онъ тоже ждетъ отъ нея привѣта, и со свойственной дѣтямъ пронырливостью догадалась, что онъ единственный для нея близкій человѣкъ, и снова стала его цѣловать.

А дѣти прыгали вокругъ нихъ каждый со своимъ подаркомъ, трубили въ дудки и играли на разныхъ инструментахъ, которые привезъ имъ дядя Павлуша, и даже не обратили никакого вниманія на эту сцену.

Пріѣздъ дяди-Павлуши доставилъ собою дѣтямъ новое развлеченіе. Несмотря на свое довольно слабое здоровье, дядя-Павлуша казался неутомимымъ во всемъ, что могло доставить имъ удовольствіе: онъ затѣвалъ большія игры, устраивалъ далекія прогулки; онъ умѣлъ лучше всѣхъ другихъ найти какой-нибудь очаровательный уголокъ, гдѣ пріятно было отдохнуть, и никто лучше его не умѣлъ возбудить въ его юныхъ спутникахъ уваженія къ изяществу и красотѣ и стремленія къ благороднымъ поступкамъ. Онъ останавливалъ ихъ вни-

маніе на красивыхъ деревенскихъ видахъ, на чудныхъ краскахъ величественнаго захода солнца и рассказывалъ имъ интересныя историческія событія или легенды, въ которыхъ непременно рисовалъ на словахъ точно такую же картину природы, какая развертывалась передъ глазами дѣтей. И они слушали его, широко раскрывъ глаза, и стараясь не проронить ни одного его слова, а Таня такъ прямо глотала его слова и ей казалось, что она нашла въ дядѣ-Павлушѣ что-то большее, чѣмъ простаго дядю, что-то такое, что должно замѣнить ей мать. И ей хотѣлось всякій разъ сѣсть какъ можно поближе къ нему,

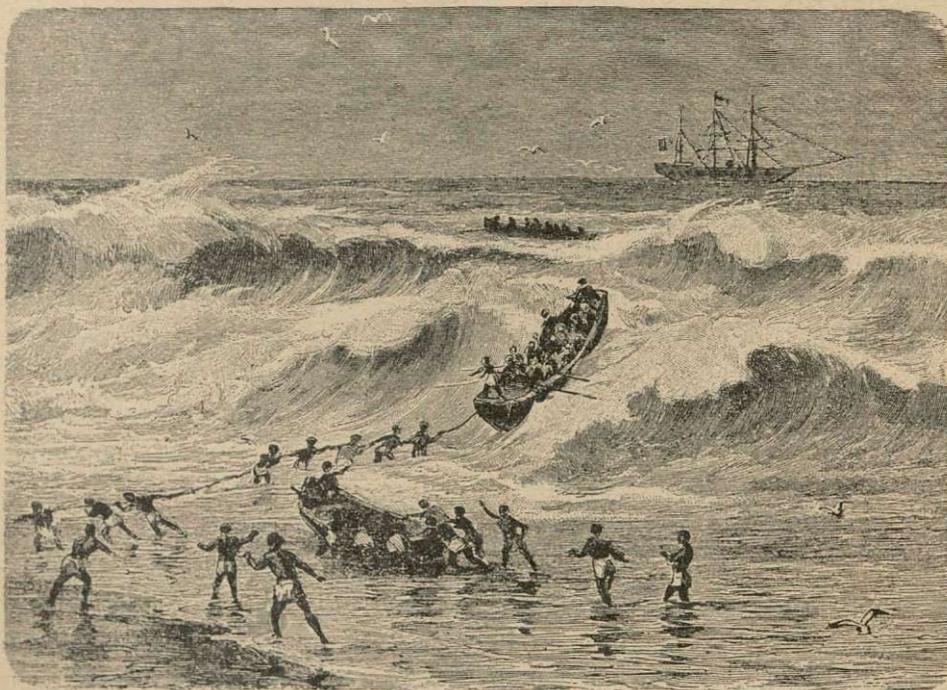
такъ-же близко, какъ и другія дѣти, но у нея не хватало смѣлости протискаться къ нему въ ущербъ другимъ и она по-прежнему сидѣла поодаль.

«Почему онъ никогда самъ не подзоветъ меня къ себѣ?», не разъ спрашивала она себя.

Но она знала, что когда дядя рассказывалъ дѣтямъ свои интересныя исторіи или просто и задушевно разговаривалъ съ ними, то смотрѣлъ на нее больше, чѣмъ на другихъ, и смутно чувствовала, что нѣкоторыя исторіи онъ рассказывалъ именно для нея.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

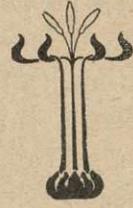
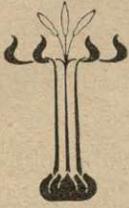
Прибой волнъ на Африканскомъ берегу.

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

III.

Одиннадцать дней спустя, къ Иерусалиму подъѣзжали тѣ самые три человѣка, съ которыми мы встрѣтились въ пустынѣ. День склонялся къ вечеру. Переѣхавъ Кедронскій потокъ, они все чаще и чаще стали встрѣчать народъ. Всѣ попадавшіеся имъ на пути, заинтересовались ими.

— Смотрите, смотрите! раздавались голоса.—Вотъ такъ верблюды! А какіе колокольчики!

Но не колокольчики и не верблюды и даже не всадники вызывали ихъ удивленіе. Изумлялъ и заинтересовывалъ всѣхъ вопросъ, который предлагалъ человѣкъ, ѣхавшій на переднемъ верблюдѣ:

— Гдѣ здѣсь новорожденный царь іудеевъ?

Женщины смотрѣли другъ на друга, и не знали, что отвѣчать.

«О какомъ царѣ онъ говоритъ?» спрашивали онѣ себя.—«У насъ есть царь Иродъ, но онъ уже старый, а Римскій императоръ, который властвуетъ надъ нами, живетъ не здѣсь, а далеко въ Римѣ... О какомъ-же новорожденномъ онъ говоритъ?»

— Значитъ, вы не слыхали о немъ? повторилъ свой вопросъ египтянинъ.

— Нѣтъ...

— Мы видѣли звѣзду его на востокѣ и пришли поклониться ему.

Сказавъ это, путники тронулись дальше. Тотъ-же вопросъ они предлагали и другимъ, но одинаково безуспѣшно. Тогда они подъѣхали къ высокой городской башнѣ, господствовавшей надъ городскими воротами. Около нихъ стоялъ римскій часовой. Толпа, слѣдовавшая за верблюдами, тоже подошла къ воротамъ, и окружила путниковъ со всѣхъ сторонъ.

— Что вамъ надо? обратился къ Валтасару часовой.

— Гдѣ здѣсь родившійся царь іудеевъ?

— Вамъ нужно царя Ирода? спросилъ сбитый съ толку часовой.

— Нѣтъ, не Ирода, а другого, новорожденного.

— Другого царя, кромѣ Ирода, у іудеевъ нѣтъ... Есть надъ Иродомъ еще нашъ Римскій императоръ, но онъ здѣсь не живетъ... Онъ далеко отсюда, въ Римѣ...

— Но мы видѣли звѣзду на востокѣ и пріѣхали поклониться Ему.

Римлянинъ окончательно растерялся.

— Проѣзжайте дальше, сказалъ

онъ.—Спросите у здѣшнихъ, а я не іудей, я римлянинъ... Я ничего про іудеевъ не знаю.

Онъ пропустилъ ихъ и они въѣхали въ ворота. Но тутъ Валтасаръ, прежде чѣмъ отправиться дальше, остановился и сказалъ Гаспару и Мельхіору:

— Объ насъ уже многіе узнали, а къ полночи будетъ говорить о насъ уже весь Іерусалимъ. Поѣдьте въ гостинницу, чтобы не дать пищи разговорамъ!

И они поѣхали въ гостинницу и остановились въ ней на ночлегъ.

А пропустившій ихъ въ городъ римскій солдатъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ и подумалъ:

«Они говорятъ что-то странное и опасное для здѣшняго царя Ирода. Пойду и доложу ему обо всемъ».

И онъ пошелъ къ Ироду во дворецъ.

Ночью въ гостинницу пришелъ отъ Ирода посланный и, остановившись у дверей комнаты, въ которой приютились мудрецы, постучался къ нимъ.

— Проснитесь! сказалъ онъ имъ.— Я явился къ вамъ съ порученіемъ.

Они поднялись.

— Отъ кого? спросилъ Валтасаръ.

— Отъ царя Ирода.

— Чего онъ желаетъ отъ насъ?

— Онъ требуетъ васъ всѣхъ троихъ къ себѣ.

— Желаніе царя для насъ законъ. Мы слѣдуемъ за тобой.

Они поднялись и отправились во дворецъ. Несмотря на позднее время,

Иродъ сидѣлъ на тронѣ и былъ одѣтъ въ роскошный костюмъ. Видно было, что онъ приготовился для ихъ пріема.

— Садитесь, сказалъ онъ имъ.

Они сѣли.

— Я получилъ сегодня извѣстіе, продолжалъ онъ,—что какіе-то три иностранца проѣхали на бѣлыхъ верблюдахъ черезъ наши сѣверныя ворота. Не вы-ли это?

Египтянинъ, грекъ и индусъ переглянулись между собою.

— Да, это мы, отвѣтили они.

— Кто вы и откуда вы пришли? спросилъ Иродъ.

Они отвѣтили ему каждый поочередно.

— Какой вопросъ вы задавали при въѣздѣ въ городъ? продолжалъ Иродъ.

— Мы спрашивали, гдѣ здѣсь родившійся царь іудеевъ.

Иродъ нахмурился.

— Развѣ у іудеевъ, спросилъ онъ,—есть еще какой-нибудь другой царь, кромѣ меня?

— Онъ на этихъ дняхъ родился, отвѣтилъ Валтасаръ.

На сумрачномъ лицѣ Ирода выразилось безпокойство.

— Гдѣ-же онъ находится сейчасъ? спросилъ онъ.

— Объ этомъ-то, царь, мы всѣхъ и спрашиваемъ, отвѣтилъ Мельхіоръ,—да ни отъ кого не можемъ добиться толку.

Иродъ позвонилъ. Явился служитель.

— Принеси дары, приказалъ ему Иродъ.

Служитель удалился, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился обратно, сталъ на колѣни передъ гостями и подалъ каждому изъ нихъ по золотому поясу.

По восточному обычаю они пали передъ Иродомъ ницъ.

Онъ всталъ, давая этимъ знать, что пріемъ окончился. Сойдя съ трона и, закинувъ край своей мантии на плечо, онъ вышелъ изъ залы. Явился проводникъ и повелъ ихъ обратно на улицу, а затѣмъ довелъ ихъ и до самой гостинницы.

Тѣмъ временемъ на небѣ вдругъ засвѣтилась звѣзда.

А Иродъ, узнавши отъ нихъ о рожденіи младенца, забеспокоился о томъ, что, выросши, онъ можетъ отнять у него его царство, и рѣшилъ его погубить.

— Не будемъ ложиться, обратился къ спутникамъ Валтасаръ.— Поѣдемъ сейчасъ туда, куда поведетъ насъ опять эта звѣзда. Она укажетъ намъ путь.

— Пусть будетъ такъ, отвѣтили Гаспаръ и Мельхіоръ.

И одаривъ привратника, они сѣли на верблюдовъ и отправились въ путь. Все время имъ предшествовала звѣзда и наконецъ довела ихъ до Виѳлеема. Когда они доѣхали до гостинницы, при которой находилась пещера, то Гаспаръ спросилъ:

— Нѣтъ-ли здѣсь новорожденнаго дитяти?

— Есть, есть! отвѣтили ему присутствовавшіе.

— Проведите насъ къ нему.

Ихъ провели черезъ дворъ и ввели въ ограду. При видѣ звѣзды, оставившейся надъ пещерой, нѣкоторые въ испугѣ ушли, большая-же часть людей вошли съ ними.

Пещера освѣщалась фонаремъ. При слабомъ освѣщеніи ея чужеземцы увидѣли Марію съ проснувшимся дитятей на колѣняхъ.

— Это твое дитя? спросилъ Валтасаръ.

— Да, это мой сынъ! отвѣтила она.

Тогда они пали ницъ и поклонились ему.

Затѣмъ они отправились къ верблюдамъ, принесли дары, состоявшіе изъ золота, ладона и смирны, и положили ихъ передъ ребенкомъ.

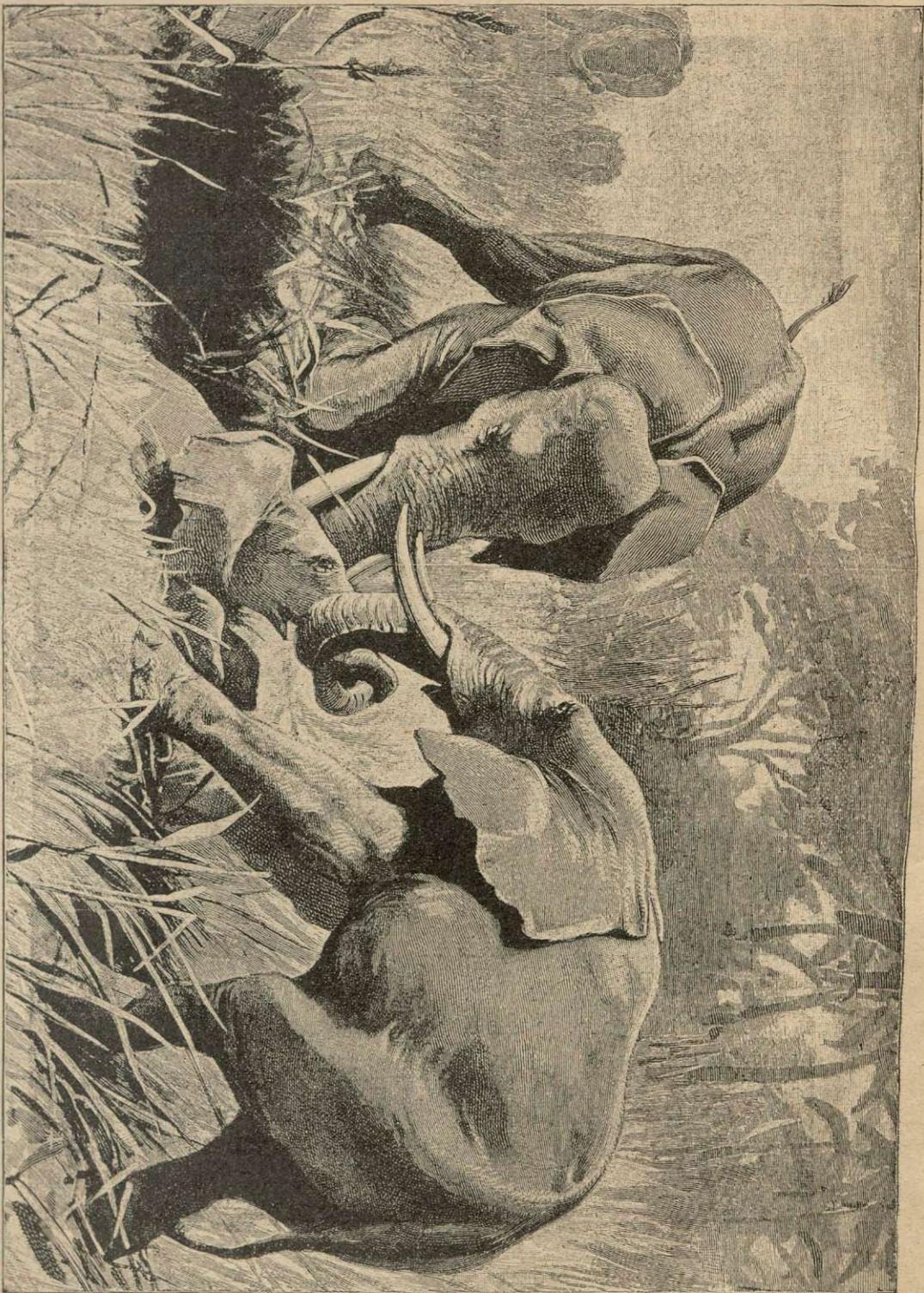
.....

IV.

Прошелъ 21 годъ.

Въэтотъ промежутокъ времени Іудея подвергалась различнымъ переменамъ и наконецъ окончательно подпала подъ владычество римлянъ. Черезъ годъ послѣ рожденія въ Виѳлеемѣ Дитяти, Иродъ умеръ, истребивъ четырнадцать тысячъ младенцевъ, думая, что среди нихъ падетъ и Новорожденный, но Іосифъ въ время взятъ Его и Марію и увелъ ихъ въ Египетъ, гдѣ они и переждали, когда миновала эта гроза.

Былъ полдень жаркаго іюньскаго дня. Въ воздухѣ было такъ душно, что тяжело было дышать. На улицахъ движеніе притихло и многіе не знали,

Слоны выгаскивают своего дятельца из ямы, которую устроил человекъ, чтобы ихъ ловить.

Лейбгардц

Проснулась.

куда дѣваться отъ жары. Но въ саду, примыкавшемъ къ одному изъ богатыхъ іерусалимскихъ дворцовъ, было прохладно. Это былъ одинъ изъ лучшихъ садовъ Іерусалима: аллеи, зеленяя поляны, кустарники, рѣдкія породы пальмъ, — все это перемѣшивалось съ лѣсными породами и фруктовыми деревьями, на которыхъ наливались сочные плоды. По срединѣ сада находился глубокий мраморный бассейнъ; въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ немъ били фонтаны, высоко бросая въ воздухъ свои отливавшія радугой струи. Недалеко отъ бассейна былъ маленькій прудъ съ чистой, какъ слеза, водой, надъ которой склонились тропическіе тростники и олеандры.

Между группой растеній сидѣли два молодыхъ человѣка. Оба они были красивы и съ перваго взгляда ихъ можно было принять за братьевъ. У обоихъ были черные глаза, черные волосы и загорѣвшія лица.

У старшаго изъ нихъ голова была не покрыта; широкая туника, спускавшаяся до колѣнъ, составляла весь его костюмъ; на ногахъ у него были сандалии и все въ немъ и на немъ указывало на его высокое положеніе и на римское происхожденіе. Онъ былъ римлянинъ, только недавно пріѣхавшій изъ Италіи въ Палестину. По временамъ, въ разговорѣ со своимъ другомъ, онъ смотрѣлъ на него свысока и обращался къ нему, какъ къ нисшему, и это объяснялось тѣмъ, что онъ происходилъ изъ семьи, счи-

тавшейся знатной даже въ самомъ Римѣ.

Звали его Мессалой.

Другой юноша былъ по внѣшности слабѣе. Его платье было изъ тонкаго, бѣлаго полотна, какъ вообще носили въ Іерусалимѣ евреи. Голову его покрывала ткань, надѣтая такъ, что спадала со лба на затылокъ и спускалась затѣмъ на плечи. Это былъ еврей.

Звали его — Іудой.

Молодой Мессала, воспитывавшійся въ Римѣ и только что возвратившійся оттуда, усвоилъ себѣ всѣ привычки и манеры знатныхъ римлянъ: онъ старался казаться равнодушнымъ ко всему и разговаривалъ такъ, точно своимъ разговоромъ оказывалъ честь своему собесѣднику.

— Помнишь, обратился онъ къ Іудѣ, — мы въ этомъ самомъ саду съ тобой прощались, когда я уѣзжалъ въ Римъ учиться? — «Миръ съ тобой» — были твои послѣднія ко мнѣ слова. — «Да сохранятъ тебя боги», отвѣтилъ я тебѣ. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ?

— Пять, отвѣтилъ еврей.

— Да, тебѣ есть за что благодарить эти пять лѣтъ. Ты возмужалъ и сталъ красивъ.

Іуда устремилъ на него свои большіе глаза. Взглядъ его былъ серьезень.

— Цѣлыя пять лѣтъ... задумчиво сказалъ онъ. — Я вспоминаю эту минуту нашей разлуки. Я плакалъ, потому что любилъ тебя, какъ родно-

го брата. Прошли эти годы, ты вернулся—и мнѣ такъ-бы хотѣлось видѣть въ тебѣ опять того-же самага Мессалу, съ какимъ я тогда разставался...

Тонкія ноздри Мессалы насмѣшливо вздрогнули.

— А развѣ я уже на него не похожъ? спросилъ онъ.

Иуда покраснѣлъ и опустилъ глаза.

— Зачѣмъ ты разговариваешь теперь со мною такимъ тономъ? въ свою очередь спросилъ онъ Мессалу.—Во всѣхъ твоихъ словахъ такъ и сквозятъ теперь высокомеріе и насмѣшка. Ты часто сталъ обижать меня...

Римлянинъ улыбнулся и поднялъ еще выше свою голову.

— Но чѣмъ-же я тебя оскорбилъ? спросилъ онъ.

Иуда глубоко вздохнулъ и сталъ теревить шнуръ своего пояса.

— За эти пять лѣтъ, отвѣтилъ онъ,—и я кое-что понялъ. Вы, римляне, овладѣли моею родиной—Иудеей и стали каждую секунду показывать намъ, что вы лучше насъ. Мы свободны духомъ, потому что мы поклоняемся единому Богу, а не богамъ, какъ вы, а вы хотите сдѣлать насъ своими рабами. Зачѣмъ ты всякій разъ теперь стараешься показать мнѣ, что ты римлянинъ—мой владыка, а я, еврей,—твой рабъ? Это не великодушно. Ты сталъ смѣяться надо мной только за то, что я еврей. Гдѣ-же наши прежнія, братскія съ тобой отношенія?

Мессала громко расхохотался.

— Кто-же скажетъ, что я неправъ, когда смѣюсь надъ тобой? воскликнулъ онъ.—Если ты хвастаешься своимъ единымъ Богомъ, который пустилъ твою страну попасть къ намъ въ лапы, то что онъ значитъ въ сравненіи съ нашимъ Юпитеромъ, который помогъ намъ захватить весь міръ и поработить его?

Еврей вскочилъ. Ему было обидно это слушать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сядь, Иуда, сядь! воскликнулъ Мессала и протянулъ къ нему руку.

— Ты смѣешься надо мной... проговорилъ Иуда.

— Выслушай меня еще немного, продолжалъ Мессала.—Я благороденъ, я умѣю сражаться, я храбръ, какъ левъ, и буду офицеромъ, тогда какъ ты, мой дорогой Иуда,—мнѣ жаль тебя... Ну, чѣмъ ты можешь быть? Вѣдь всѣ евреи трусы!

Оскорбленный Иуда подошелъ къ пруду.

— Да, мнѣ жаль тебя, мой милый Иуда, продолжалъ Мессала.—Всю жизнь свою ты будешь ходить въ свою синагогу, займешься торговлей и будешь вести мѣщанскую, сѣренькую жизнь. Что-же касается до меня...

Иуда взглянулъ на него и замѣтилъ румянецъ гордости, разлившійся на его лицѣ.

— Что касается до меня, продолжалъ Мессала,—то я буду полководцемъ. Есть еще много странъ, которыя я покорю и которыя застав-

лю платить мнѣ несмѣтную дань. Я разбогачю на ихъ счетъ и буду потомъ направо и налѣво сорить деньгами. Я поселюсь въ Римѣ, буду пить вино, наслаждаться жизнью, играть въ кости... Я постараюсь сдѣлаться губернаторомъ и этого добьюсь... Но я буду великодушень и къ тебѣ. Я не забуду тебя. Я сдѣлаю тебя при себѣ чиновникомъ и вмѣстѣ со

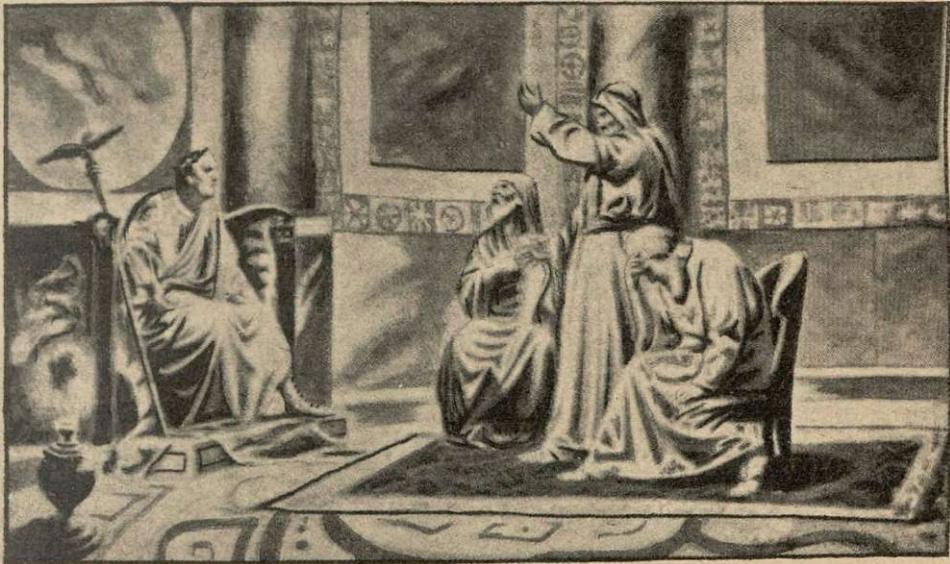
согласишься тогда быть въ ней первосвященникомъ?

Еврей гнѣвно отвернулся.

Намъ лучше разстаться, сказалъ онъ. — Я сожалью, что сюда пришель. Я рассчитывалъ встрѣтить въ тебѣ друга, а нашель...

— Своего владыку римлянина? быстро спросилъ Мессала.

Кулаки еврея сжались было, но

— Развѣ у Іудеевъ, спросилъ Иродъ, — есть какой-нибудь другой царь кромѣ меня?

мною ты будешь обирать завоеванные народы. Ты и теперь безумно богатъ, но тогда будешь еще богаче.

— Нѣтъ! воскликнулъ Іуда и поднялся съ мѣста.

— Но почему-же? Вѣдь это выгодно!

— Но не благородно! крикнулъ еврей.

— Въ такомъ случаѣ я постараюсь сдѣлаться губернаторомъ въ твоей Іудеѣ и начну грабить ее. Ты

онъ сдержалъ себя и пошелъ. Мессала всталъ, взялъ со скамьи свой плащъ, набросилъ его себѣ на плечо и послѣдовалъ за Іудой. Порывшись съ нимъ, онъ положилъ ему руку на плечо и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Вотъ дорожка, сказалъ онъ, — по которой мы когда-то гуляли, обнявшись, какъ теперь. Дойдемъ-же такъ до воротъ.

Мессала старался теперь быть ла-

сковымъ и Иуда не возражалъ противъ него.

— Мой милый Иуда, снова обратился Мессала къ еврею, — тебя такъ разгнѣвали мои слова? Но вѣдь я мечтаю обогатиться насчетъ вашихъ евреевъ, ограбивъ вашу страну. А вѣдь кто-же нибудь въ ней наживается?! Не я, такъ другой... почему же не мнѣ? Не все-ли это равно?

Иуда замедлилъ шаги.

— И другіе народы властвовали надъ Иудеей, рѣзко отвѣтилъ онъ, — а гдѣ они теперь? Ихъ уже нѣтъ, а Иудея жива. Такъ она переживетъ и васъ римлянъ!

Они подошли къ воротамъ. Иуда остановился, снялъ мягко руку Мессалы со своего плеча и взглянулъ на него глазами, полными слезъ.

— Ты заставилъ меня сегодня страдать, сказалъ онъ, — Слушая тебя, я убѣдился, что теперь ужъ мы никогда не можемъ оставаться друзьями. Никогда! Побывавъ въ Римѣ, ты сталъ мечтать о наживѣ и власти надъ моей несчастной родиной, а я только и дѣлаю, что молюсь объ освобожденіи ея отъ вашей власти. Теперь прощай!

Мессала протянулъ ему руку. Въ глазахъ его засвѣтился недобрый огонекъ. Еврей вышелъ за ворота. По его уходѣ римлянинъ стоялъ молча нѣсколько минутъ, проводилъ его недобримъ взглядомъ и съ злобной усмѣшкой проговорилъ:

«Пусть будетъ такъ! Я разграблю

Дойдя до большого каменнаго, стариннаго дома, онъ постучался въ калитку его ограды.

вашу Іудею, потому что я — римлянинъ, а вы евреи, — мои рабы!»

А потомъ онъ помолчалъ немного и вновь проговорилъ:

«Нопрежде всего я разграблю тебя!»

И злобно взглянувъ на своего бывшего друга, онъ завернулся въ свою тунику и пошелъ.

V.

Разставшись съ Мессалой, Іуда вышелъ изъ сада и пошелъ по одной изъ Іерусалимскихъ улицъ. Дойдя до большого каменнаго, стариннаго дома, онъ постучался въ калитку его ограды. Ему отперли ее и онъ вошелъ въ нее такъ поспѣшно, что позабылъ даже отвѣтить на низкій поклонъ привратника. Пройдя нѣсколько шаговъ по двору, онъ повернулъ направо и мимо кустарниковъ, бывшихъ въ полномъ цвѣту, поднялся на террасу и затѣмъ вошелъ въ домъ. Благодаря жарѣ, на всѣхъ окнахъ были спущены тяжелыя занавѣски и во всемъ домѣ царилъ сумракъ. Іуда отворилъ дверь въ свою комнату и, войдя въ нее, бросился къ дивану и, обхвативъ голову руками, прямо лицомъ упалъ на его подушки.

Такъ онъ пролежалъ до вечера. Когда-же сѣло солнце, то къ двери подошла женщина и окликнула его. Онъ отозвался, и она вошла.

— Ночь на дворѣ, сказала она, — пора ужинать, а ты не идешь..

Развѣ ты не хочешь ѣсть?

— Не хочу, отвѣтилъ онъ.

— Ты боленъ?

— Нѣтъ, мнѣ хочется спать.

— Твоя мать спрашивала о тебѣ.

— Гдѣ она?

— Наверху.

Онъ поднялся и сѣлъ.

— Принеси мнѣ чегонибудь поѣсть, сказалъ онъ. — А то ты будешь беспокоиться, что я ничего не ѣмъ.

Чего-же тебѣ принести?

— Все равно, Амра... Я не боленъ, но мнѣ все равно. Принеси чего-нибудь.

Амра ушла и скоро вернулась съ подносомъ, на которомъ принесла чашку молока и нѣсколько ломтиковъ бѣлаго хлѣба. Пододвинувъ къ дивану стулъ, она поставила на него подносъ, а сама тутъ же стала на колѣни, чтобы прислуживать своему господину. Она глядѣла на него съ материнской нѣжностью и судя по ея смуглому лицу и бѣлому тюрбану на головѣ, а главное — по ушамъ, проткнутымъ толстымъ шиломъ, можно было догадаться, что она была рабыней и египтянкой. Она любила Іуду больше жизни: она его выкормила, вынянчила и не могла себѣ представить, какъ бы онъ могъ обойтись безъ ея услугъ.

Пока ея господинъ ѣлъ, она молчала.

— Помнишь ли ты, Амра, Мессалу? обратился къ ней Іуда. — Онъ часто когда-то бывалъ у меня.

— Да, помню, отвѣчала она.

— Пять лѣтъ тому назадъ онъ уѣхалъ въ Римъ учиться и теперь

вернулся опять къ намъ въ Палестину. Я былъ сегодня у него въ гостяхъ... У нихъ теперь прекрасный садъ и они еще больше разбогатѣли...

— Мнѣ никогда не нравился твой Мессала... Что же тамъ случилось у него?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Вѣроятно, онъ тебя обидѣлъ? спросила Амра.

— Онъ очень измѣнился съ тѣхъ поръ, отвѣтилъ Иуда,—и теперь мы больше уже не друзья. Убери поднось; я больше не буду...

Амра взяла поднось и ушла. Онъ вышелъ вслѣдъ за нею и сталъ подниматься на верхній этажъ. Отдернувъ опущенную занавѣсь, онъ вошелъ въ комнату своей матери. Внутри царилъ полумракъ и здѣсь Иуда замѣтилъ фигуру женщины, лежавшей на диванѣ и укутанной въ складки своего платья. Заслышавъ его шаги, она перестала обмахиваться вѣеромъ и бриллианты, которыми онъ былъ усѣянъ почти сплошь, заблестали при свѣтѣ, который сталъ падать на нихъ отъ блеска звѣздъ и молодой луны. Это была его мать. Ее звали Итамаръ.

— Это ты, мой сынъ? обратилась она къ нему.

— Да, мама, это я, отвѣтилъ онъ и подошелъ къ ней.

Онъ опустился передъ ней на колѣни, она обвила его шею рукой и съ поцѣлуями прижала его къ своей груди.

— Ты, кажется, разстроень... обра-

тилась она къ нему и провела рукою по его волосамъ.

— Да, отвѣтилъ онъ.—Немного... Сегодня я былъ у Мессалы. Я не видался съ нимъ цѣлыхъ пять лѣтъ, а онъ встрѣтилъ меня надменнымъ тономъ, глумился надъ нашимъ Богомъ и сказалъ, что мы, евреи, его рабы.

— На то онъ и римлянинъ! отвѣтила мать.

— Но чѣмъ же я, еврей, хуже римлянина? Почему я не могу дѣлать того, что дѣлаетъ римлянинъ? Почему Мессала—господинъ, а я—его рабъ?

Мать слушала сына съ глубокимъ вниманіемъ. Затѣмъ она приподнялась, положила ему руку на плечо и сказала:

— Такъ выслушай же меня, сынъ мой, и запомни, что я тебѣ скажу. Мессала дѣйствительно знатнаго происхожденія и къ тому же римлянинъ, но ты еще знатнѣе, чѣмъ онъ. Если онъ можетъ ссылаться на древность своего рода, то вѣдь и ты не рабскаго происхожденія. Не забывай, что твоя фамилія—Хуръ. А ты знаешь, откуда беретъ свое начало нашъ родъ? Мы можемъ съ полною достовѣрностью сказать, что онъ тянется уже непрерывно цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ. И теперь какъ смѣшно и ничтожно это тщеславіе римлянъ древностью ихъ рода! Любой нашъ еврейскій пастухъ благороднѣе, чѣмъ самый знатный Мессала!

Она съ гордостью посмотрѣла на сына.

— Но вѣдь все-таки римляне — наши господа, возразилъ ей сынъ, — а мы — мы все-таки теперь ихъ рабы.

— А развѣ мы не были рабами Вавилонянъ? воскликнула она. — Развѣ мы не находились въ рабствѣ у египетскихъ фараоновъ? А гдѣ теперь Вавилонъ? Гдѣ теперь Египеть? Ихъ давно уже нѣтъ, они давно уже по-

рабства. Не забывай, что скоро долженъ появиться Мессія, который спасетъ нашъ народъ и поможетъ ему стряхнуть съ себя иго римлянъ. Такъ говорили наши пророки. Нѣтъ, мой милый сынокъ, какъ бы ни поработали насъ язычники-римляне, какъ бы они прочно и крѣпко ни уцѣпились за весь міръ и ни по-

— Ты, кажется, разстроены... обратилась она къ нему.

гибли, а наша Іудея все еще стоитъ и славить своего Бога!

— Но почему же это такъ? спросилъ въ удивленіи Іуда.

— Потому что всѣ они язычники, отвѣтила она, — а мы знаемъ только единого Бога. И какъ бы ни поработали насъ иноземцы, наша вѣра спасетъ насъ и выведетъ насъ изъ

работили его, будущее принадлежитъ намъ, потому что у насъ долженъ появиться Мессія, и будь хоть каждый римлянинъ царемъ, мы не уступимъ имъ этого нашего будущего.

Іуда задумался. Игамарь взяла со столика осыпанный брилліантами вѣеръ и стала имъ обмахиваться.

— Ты говоришь, сказалъ нако-

— А вот я сейчас вь тебя, плутишка,— пафь!..

Список названий книг, вышедших в свет в 1880 году.

нецъ Іуда,—что семья наша благородна. А развѣ этого одного достаточно? Развѣ достаточно одной древности рода, чтобы считаться благороднымъ?

— Конечно, нѣтъ!.. отвѣтила мать.—Чтобы быть истинно благороднымъ, мой дорогой Іуда, надо еще трудиться, надо жить для другихъ и ѣсть свой собственный хлѣбъ. А это далеко не всѣ понимаютъ! Твой отецъ, имѣя за своими плечами двѣ тысячи лѣтъ и принадлежа по рождению къ еврейскимъ князьямъ, не гнушался торговли и былъ обыкновеннымъ купцомъ. Ты тоже князь, Іуда, но ты тоже долженъ трудиться и зарабатывать свой хлѣбъ.

— Такъ къмъ же мнѣ быть? спросилъ Іуда.—Чѣмъ мнѣ заняться и зарабатывать свой хлѣбъ?

Она выпрямилась во весь свой ростъ.

— Ты богатъ, мой сынъ, отвѣтила она,—тебѣ не нужно трудиться изъ-за денегъ. Твой отецъ оставилъ

намъ миллионы и ихъ хватить на всю нашу жизнь. Ты долженъ служить.

— Гдѣ?

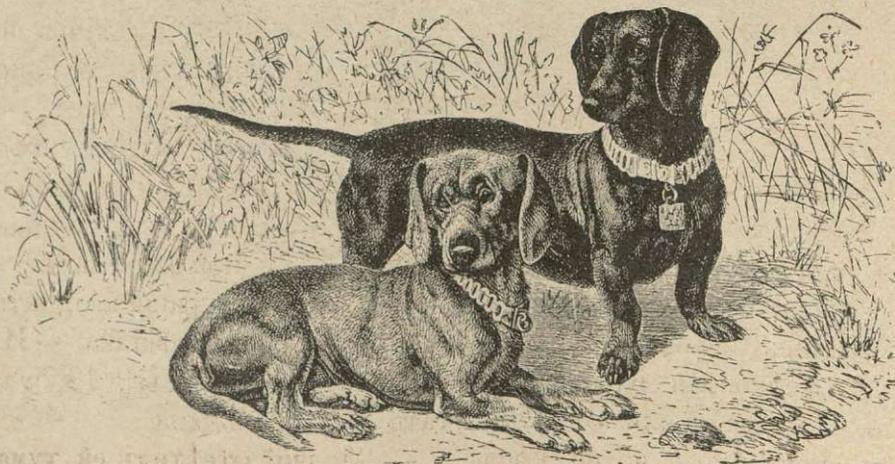
— Въ войскахъ. Ты долженъ быть офицеромъ. Ты долженъ приобрести великую славу и помочь твоему народу сбросить иго римлянъ.

— Но вѣдь для этого нужно ѣхать въ Римъ, возразилъ Іуда.—Для этого нужно поступать въ римскія войска!

— Ну, что же изъ этого? отвѣтила Итамарь.—Ты будешь служить не Римлянамъ, а своему народу. Ты будешь служить своему единому Богу и, быть можетъ, спасешь свой народъ.

Онъ припалъ къ ея ногамъ и такъ и оставался до тѣхъ поръ, пока не спустилась ночь. Она приподняла его и уложила его на диванъ. Онъ взялъ ея руку и тихо сталъ засыпать. Она освободила свою руку изъ его руки, подложила ему подъ голову подушку и, покрывъ его шалью, нѣжно поцѣловала его и вышла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хинга и Бромъ.

ТУМАНЪ.

Сказка.

Солнце сѣло.

Закричали лягушки и раскричались такъ, что, казалось, ихъ крику не будетъ и конца. Пчела возвратилась къ себѣ въ улей. Дѣтишки стали плакать, что ихъ скоро отправятъ спать. Цвѣты свернули свои листки и поникли головками. Птички спрятали свои носики подъ крылышки и умолкли. Овцы легли на росистую траву на лужайкѣ и задремали. Далеко на деревенской колокольнѣ сторожъ пробилъ часы; лавочникъ заперъ свою лавку и съ ключами въ рукахъ вдоль селенія прошелъ къ себѣ домой; кое-кто сидѣлъ еще у себя на порогѣ и отдыхалъ отъ дневныхъ трудовъ, да двое или трое молодыхъ людей прогуливались вдоль дороги, воспользовавшись вечернею прохладой.

Но вотъ успокоились и они и на землю спустилась темнота. Всѣ заснули. Только у батюшки да у учителя еще и свѣтился въ окнѣ огонекъ. Но въ избахъ у крестьянъ было уже темно, потому что было лѣто, они вставали вмѣстѣ съ солнцемъ и рано ложились спать. Высоко на небѣ засвѣтились звѣзды и изъ-за лѣса выплыла величавая луна. Залаяли собаки. Но онѣ лаяли отъ нечего дѣлать, такъ какъ не на кого было и лаять.

Съ земли поднялся туманъ и медленно оглядѣлся по сторонамъ.

— Здѣсь есть кто-нибудь? спросилъ онъ.

Никто ему не отвѣтилъ. Кругомъ не было никого.

Тогда туманъ сталъ сильнѣе развертывать свою вуаль и, размахивая ею, точно крыльями, сталъ плавно прохаживаться туда и сюда, всходить на пригорки и спускаться съ нихъ внизъ. Иногда онъ задумывался и останавливался на одномъ мѣстѣ на минуту, а затѣмъ снова отправлялся на прогулку. Но болѣе всего ему нравилось гулять по берегу озера и въ лѣсу, гдѣ на влажныхъ прогалинахъ онъ становился на цыпочки и поднималъ свою вуаль такъ высоко, что цѣплялся ею за вѣтки деревьевъ.

— Кто ты? спросила его ночная фіалка, поднявъ свою головку изъ травы и трянувъ ею такъ, что во всѣ стороны на далекое пространство потянулся отъ нея аромат.

Туманъ не обратилъ вниманія на ея вопросъ и поплылъ далѣе.

— Я тебя спрашиваю, кто ты? повторила ночная фіалка. — И если ты мнѣ не отвѣтишь, то я буду считать тебя невѣждой.

— Молчи! отвѣтилъ ей туманъ. — А то я сейчасъ закрою тебя своимъ

покрываломъ и ты промокнуешь до костей!

И онъ набросилъ на фіалку свою вуаль и всѣ ея листки вдругъ стали мокрыми, точно послѣ дождя.

— Какой ты не хорошій... проговорила она.—Вѣдь я только спросила тебя, кто ты такой?

Туманъ отошелъ къ сторонѣ.

— Кто я такой? отвѣтилъ онъ.— Все равно ты не поймешь, даже если бы я тебѣ и сказалъ.

— А ты попытайся!

— Я—роса на цвѣтахъ, я—облако на небѣ и туманъ на лугу.

— Вотъ такъ сказалъ! воскликнула фіалка.—А, ну-ка повтори еще разъ! Я знаю, что такое роса, потому что каждое утро она появляется у меня на лепесткахъ, но она вовсе не похожа на тебя.

— И все-таки роса—это я, продолжалъ туманъ.—Иногда бываетъ такъ, что меня даже никто и не видитъ, а я хожу около и все сухое дѣлаю влажнымъ. Я умѣю показываться въ разныхъ видахъ и принимать различныя формы. То я появляюсь въ видѣ росы, то въ видѣ дождя, а иногда я свѣжей струей тянусь вдоль лѣса. Но стѣдуетъ только наступить вечеру, какъ я не боюсь никого и появляюсь открыто, закутавшись въ свою бѣлую вуаль.

— Вотъ такъ исторія! воскликнула ночная фіалка.—Сядь-ка около меня, и Расскажи мнѣ, какъ это ты все дѣлаешь? Я вѣдь не буду спать всю ночь!

Туманъ перекинулъ свою вуаль себѣ черезъ плечо, но такъ, что она зацѣпилась за вѣтви ближайшаго кустарника, и началъ свой рассказъ.

— Я родился въ глубинѣ земли, сказалъ онъ,—на такой глубинѣ, куда уже не достигають корни ни отъ одного растенія. Мои сестры и я,—а насъ была цѣлая семья,—при первомъ появленіи нашемъ на свѣтъ были каплями источника, свѣтлаго, какъ хрусталь, и намъ было суждено долгое время находиться подъ землею, въ неизвѣстности для всѣхъ. Какъ вдругъ мы собрались съ силами и прорвались на Божій свѣтъ. Мы выскочили у подножія холма и побѣжали впередъ, радуясь, что увидели прекрасное, яркое солнце. Если бы ты знала, какъ намъ пріятно было пробѣжать другъ-за дружкой въ видѣ змѣйки черезъ лѣсъ! Мы стали весело перепрыгивать на своемъ пути черезъ камушки и карабкаться на бережокъ. Рыбки обрадовались намъ, прыгнули въ насъ и стали играть въ нашихъ струяхъ. Деревья ласково склонили надъ нами свои вѣтви, а мы въ благодарность имъ за это попросили ихъ не покупать для себя зеркала и смотрѣться въ насъ. А когда они сбрасывали въ насъ свои листочки, то мы подхватывали ихъ и старались унести ихъ съ собой. Иногда эти листочки затѣвлили игру: старались перегнать другъ друга и мы помогали одному изъ нихъ бѣжать скорѣе, чѣмъ другимъ. Это бы-

до такъ интересно! Это было самое счастливое время моей жизни!

— Но какъ-же ты сдѣлался вдругъ туманомъ? съ нетерпѣніемъ спросила ночная фіалка.— Я и безъ тебя знаю, что такое ручеекъ. Когда все стихаетъ, то я слышу издалека его шумъ.

Туманъ закутался въ свое покрывало, прошелся взадъ и впередъ, что-бы размять свои члены, а затѣмъ снова возвратился къ фіалкѣ и сталъ продолжать свой разсказъ.

— Все несчастье въ томъ, началъ онъ, — что никто никогда не бываетъ доволенъ тѣмъ, что имѣеть. Намъ надоѣло течь потихоньку, мы стали бѣжать быстрее, затѣмъ понеслись во весь духъ и вдругъ неожиданно вбѣжали въ большой прудъ, на которомъ росли кувшинки и надъ которыми летали темно-синія стрекозы. На поверхности этого пруда было такъ спокойно, что онъ походилъ на большое зеркало, но мы по-неволѣ должны были отправиться на самую его глубину и жить тамъ въ зеленомъ полумракѣ между водяныхъ растеній. И мнѣ такъ хотѣлось снова увидеть солнечные лучи! Я ихъ уже зналъ и такъ ихъ полюбилъ, пока тѣкъ черезъ лѣсъ въ видѣ ручья! Они часто проглядывали ко мнѣ сквозь листву деревьевъ и любили сверкать на моей поверхности, точно расплавленное золото! Я хотѣлъ ихъ снова увидѣть, сталъ желать ихъ и для этого сталъ выплывать иногда на поверхность пруда и тог-

да на мѣня глядѣло яркое солнце и я посылалъ ему мои поцѣлуи изъ-за бѣлыхъ кувшинокъ и ихъ широкихъ, плоскихъ листьевъ, плашмя лежавшихъ на водѣ. Но увы! Солнце свѣтило такъ ярко и грѣло такъ жарко, что скоро мнѣ пришлось раскаться въ томъ, что я вынырнулъ изъ глубины на поверхность пруда.

— И все-таки я ни понимаю, прервала его ночная фіалка,— какое это имѣеть отношеніе къ туману?

— А вотъ слушай далѣе! отвѣчалъ туманъ и въ досадѣ на то, что его прервали, снова осѣлъ на листья фіалки.

— Да я уже и такъ мокра, какъ курица! обидѣлась на него фіалка.— Сойди съ меня и сядь въ сторонѣ. Вотъ такъ! Теперь продолжай свой разсказъ!

— Вечеромъ, когда солнце скрылось, снова началъ туманъ,— я вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то странную легкость. Я не знаю, какъ это случилось, но я помню отлично, что когда я глядѣлъ на солнце и оно грѣло меня своими лучами, то я сталъ теплымъ. Когда же оно сѣло и въ воздухѣ стало прохладно, то я вдругъ сталъ похожимъ на воздухъ, отдѣлился отъ поверхности пруда и полетѣлъ. Сначала я леталъ тутъ-же, надъ прудомъ, между кувшинокъ и стеблей осоки и камыша, а затѣмъ набѣжалъ вечерній вѣтерокъ и погналъ меня передъ собою такъ, что я скоро оказался высоко надъ лѣсомъ. Здѣсь я встрѣтился съ

моими сестрами, которыя точно такъ же, какъ и я, высунулись изъ глубины пруда на его поверхность, согрѣлись на солнцѣ и полетѣли.

— Кто-же это были твои сестры? перебила его ночная фіалка.

— А развѣ ты не догадалась? Это были такія-же капли воды, какъ и я. Мы всѣ вмѣстѣ выскочили изъ глубины земли и бѣжали тогда по лѣсу въ видѣ ручейка. Теперь-же всѣ мы были легки, какъ воздухъ, и скоро помчались къ самому небу. Изъ насъ сдѣлались облака.

— Какой вздоръ! воскликнула фіалка.—Ну, гдѣ-же это видано, чтобы изъ капель воды вдругъ дѣлались облака?

— Нѣтъ, не вздоръ, обидѣлся туманъ.—Это ты говоришь такъ потому, что ты не человѣкъ! Если-бы ты была человѣкомъ, то сразу-бы это поняла. Но слушай далѣе. Когда мы превратились въ облако, то вѣтеръ погналъ насъ куда-то далеко. Мы надулись, какъ парусъ, и летѣли такъ скоро, что насъ не могъ-бы догнать и самый быстрый поѣздъ, на которомъ ѣздятъ люди на землѣ. По дорогѣ мы встрѣчали другія облака, съ которыми соединялись, и такимъ образомъ составили изъ себя одну большую тучу. Долго мы летѣли такъ въ видѣ тучи. Какъ вдругъ на насъ подулъ такой холодный вѣтеръ, что мы озябли и стали плакать. Наши слезы, въ видѣ дождя, крупными каплями стали опять падать на землю. Я плакалъ такъ, что весь со-

шелъ слезами и снова весь очутился на землѣ. Цвѣты закрыли свои лепестки, всѣ птицы спрятались по своимъ гнѣздамъ. Только однѣ утки и гуси были довольны, что я полилъ ихъ своими слезами. Увидавъ меня, изъ избы выбѣжалъ крестьянинъ и сталъ креститься.—«Теперь у насъ уродится хлѣбъ!» сказалъ онъ.—«Теперь мы будемъ сыты и богаты!»

— Такъ, значитъ, ты превратился въ дождь! воскликнула фіалка.—Теперь я понимаю! Я тоже очень люблю, когда меня обрызгаетъ дождь...

Туманъ всколыхнулъ своею вуалью и глубоко вздохнулъ.

— Съ тѣхъ поръ я не вѣдаю ни минуты покоя, сказалъ онъ.—Какъ только я упалъ тогда съ неба въ видѣ дождя, я просочился сквозь землю и обрадовался было, что снова возвращусь на свою родину, гдѣ я когда-то жилъ въ видѣ подземнаго ключа; но ожиданія мои были напрасны. Какъ только я просочился сквозь землю, такъ тотчасъ-же всѣ растенія впитали меня въ свои корни и понесли по своимъ стеблямъ и по стволамъ до самыхъ кончиковъ листьевъ. А когда наступилъ вечеръ, то всѣ цвѣты и деревья вздохнули свободно и выдохнули меня изъ себя. И вотъ я сталъ туманомъ. Всю ночь я прогуляю на землѣ, а когда настанетъ утро и взойдетъ солнце, я превращусь въ брилліантовыя капельки росы и повисну на листьяхъ растеній и на цвѣтахъ. Набѣжитъ вѣ-

терокъ, стряхнетъ съ нихъ меня и я снова упаду на землю и просочусь въ нее. И если опять меня не подхватитъ по пути корень какого-нибудь растенія, то я быть можетъ доберусь когда-нибудь до того мѣста, гдѣ когда-то родился въ глубинѣ земли, чтобы затѣмъ снова пробиться изъ горы въ видѣ ручейка, снова пробѣжать черезъ лѣсъ, попасть въ прудъ, снова испариться въ тучу и затѣмъ снова пролиться на землю въ видѣ дождя... И такъ будетъ продолжаться всю мою жизнь.

— Довольно! прервала его разсказъ ночная фіалка.—Мнѣ надоѣло тебя слушать.

Въ это время въ травѣ зашевелилась лягушка. Она вытянула свои лапки и прыгнула въ канаву, чтобы принять свою утреннюю ванну. Птички стали перекликаться въ лѣсу. Замычали стада. На востокъ загорѣлась заря и изъ-за лѣса показалось ласковое солнце. Увидавъ туманъ, солнце покраснѣло и сказало:—

— Какъ? Ты еще здѣсь? Ты хочешь помѣшать мнѣ свѣтити? Маршъ сейчасъ-же! Утренній вѣтеръ, чего-же ты глядишь? Просыпайся скорѣе и прогони съ земли туманъ!

И вѣтерокъ проснулся на дремавшемъ дугу и однимъ дыханіемъ прогналъ съ поля туманъ. Солнце ласково освѣтило ночную фіалку.

— А вотъ и солнышко! воскликнула она.—Теперь я могу раскрыть свои лепестки! Но гдѣ-же туманъ?

— Я здѣсь! слышался откуда-то голосъ.

Ночная фіалка оглядѣлась и увидала на себѣ росу.

— Ахъ, вотъ гдѣ ты! весело воскликнула она и стряхнула съ себя росу на землю.

А солнышко уже поднялось высоко и радостными лучами отвѣчало на привѣтствія птичекъ, цвѣтовъ и деревьевъ.

Туманъ, гдѣ ты?

Съ датскаго по **К. Эвальду**.

АРИѠМЕТИЧЕСКІЯ ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

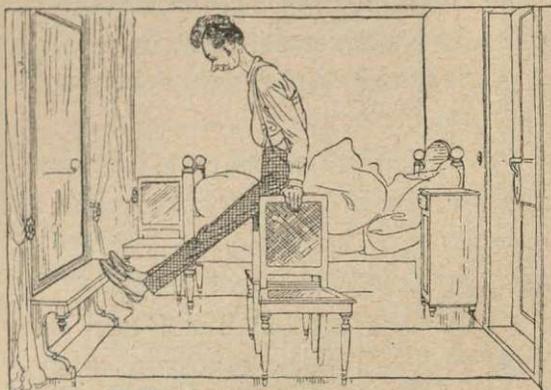
По одной цифрѣ узнать все число.

Предложите кому-нибудь задумать какое-нибудь трехзначное число (напр. 623), попросите написать это число въ обратномъ порядкѣ (выйдетъ такъ: 326), и вычестъ изъ большаго числа меньшее (623 — 326 = 297). Затѣмъ спросите: какаѣя самая послѣдняя цифра этого числа? Вамъ отвѣтятъ (въ данномъ примѣрѣ это будетъ — 7).

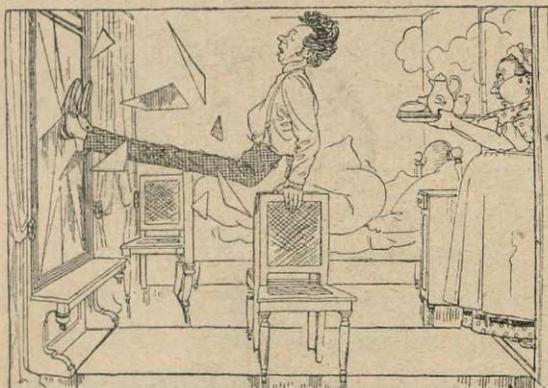
Тогда вы поставьте на мѣстѣ единицъ это 7, на мѣстѣ десятковъ—9, а затѣмъ вычтите 7 изъ 9-ти (это будетъ 2) и поставьте эту двойку на мѣстѣ сотенъ. Такимъ образомъ у васъ получится все число—297.

Другой примѣръ: Задумано число 487. Въ обратномъ порядкѣ это будетъ 784. Вычестъ 487 изъ 784—получится тоже 297 (784 — 487 = 297) Поставить 9 на мѣстѣ десятковъ, спросить, ка-

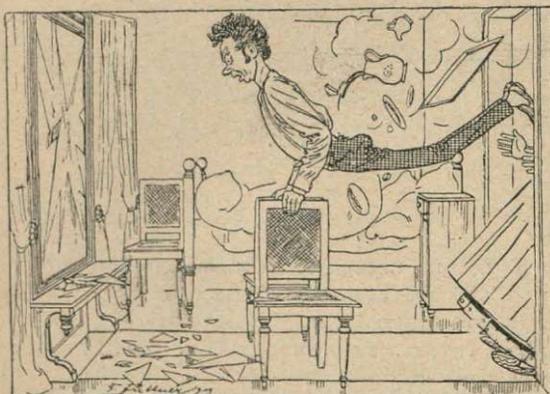
УРОКЪ ГИМНАСТИКИ.

Разъ!..

Два!..

Три!..

кая самая крайняя цифра, (это будетъ 7) вычестъ ее изъ 9-ти, получится 2. Слѣдовательно, все новое число будетъ—297.

Нужно замѣтить, что если мы изъ какого-нибудь трехзначнаго числа вычтемъ число, составленное изъ тѣхъ-же цифръ, только поставленныхъ въ обратномъ порядкѣ, то въ срединѣ *всегда* получится цифра 9, а сумма сотенъ и единицъ всегда составитъ тоже 9. Этому не бываетъ только тогда, если послѣдняя цифра остатка вдругъ будетъ 9. Ну, тогда вы смѣло можете сказать, что осталось только 99.

II.

НАЙТИ ЗАДУМАННОЕ ЧИСЛО.

Попросите кого-нибудь задумать какое-нибудь число и написать его на клочкѣ бумаги. Затѣмъ предлагайте ему исполнить, одно за другимъ, слѣдующія дѣйствія:

- 1) Умножить задуманное число на 2.
- 2) Прибавить къ тому, что получится, — 5.
- 3) Помножить все на 5.
- 4) Прибавить еще 3.
- 5) Умножить все на 10.
- 6) Прибавить еще разъ 3.

Когда все это будетъ сдѣлано, вы спросите задумавшаго, сколько у него получилось? Онъ вамъ скажетъ. Тогда изъ той суммы, которую онъ вамъ скажетъ, вы отнимите 150, отбросьте изъ того, что получится, единицы и десятки, а ту цифру, которая останется, уменьшите на 1,—это и будетъ задуманное число.

Это приведетъ его въ удивленіе. — «Какъ вы узнали?» спроситъ онъ.

А вотъ какъ. Очень просто:

Предположимъ, что задумано число 8. Тогда—

- 1) $8 \times 2 = 16$.
- 2) $16 + 5 = 21$.
- 3) $21 \times 5 = 105$.
- 4) $105 + 3 = 108$.
- 5) $108 \times 10 = 1080$.
- 6) $1080 + 3 = 1083$.

Изъ 1083 вычестъ 150 — будетъ 933; отъ 933 откинуть единицы и десятки — будетъ — 9; 9 уменьшить на 1 — будетъ 8. Это и есть задуманное число.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепiano.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) **Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.**
- 13) **12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.** Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкинской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

Подписной годъ съ 1-го ноября.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.